

ДОРОЖНАЯ БЕСЕДА

Летний вечер. У окна в вагоне поезда
разболтались

случайные попутчики -
господин
в летах и дама в возрасте.

В духоте

плацкартной, застоявшейся,
эпизоды их беседы вяло плавают,
растворяясь в ненавязчивом бреду колес.

Излагает

дама патетически
бесконечную судебную историю
про бесчинства
где-то с кем-то в армии.

Этот кто-то -

может даже сын ее,
может близкий,
может из знакомых кто.

Что-то там с ним

очень нехорошее.

Господин внимает важно и с достоинством.

Сам на вид - ну точно Киса Воробьянинов,
и пиджак на нем сидит весьма недурственно.

Я сижу

напротив, без особых дел,
к духоте
стараясь приспособиться,
для меня
они - как в телевизоре.

Черный маклерский пиджак - и кофта красная.

Кожа дряблая, в морщинах, но холеная.

Каждый жест

отточен. Лица, позы - блеск!

Там, в миру,

в далеких войсковых частях,

хруст костей,

удары, кровь, блевота, мат.

Здесь, в уютном

смираде безопасных слов -

Череда аксессуаров болтовни пустой,

выразительной,

изящной,

добродетельной.

А беседа все от темы к теме тянется -

Бэ-эспредел,

бэ-эсправье,

бэ-эзнаказанность...

Тусклый свет.

В сортире - стук и шум воды.

ХОККУ ЗАБРОШЕННОСТИ

Черемуха и мокрый асфальт

Утро в незнакомом городе

Вот и лето началось

LA VITA NUOVA

Вот, купил себе новую терадочку
для новых стихов

Вот, завел себе новую женщину
для новых чувств

А жизнь все идет себе мимо
и не новеет

ПРОБУЖДЕНИЕ

Ну вот, еще одно утро
Заставить встать?

Ну вот, еще одна смерть
Заставить жить?

Одна рука гладит другую
Нежно-нежно

Если постараться,
можно забыть,
что обе
принадлежат одному телу

С НАТУРЫ

Пока я лепил предыдущее стихотворение,
продавщица (свирепая, но не злая)
работнице социальной службы
отвешивала пакет за пакетом
конфеты для чужих детей.

Конфеты для чужих детей
конфеты для чужих детей.
Конфеты.
для чужих детей.

Много-много.

КЛУБОК

Время

запуталось окончательно.

С какой стороны не подберись,
концов не найдешь.

Одни начала.

БЕЗОБРАЗИЕ!

Боже, как я ненавижу этого нахала!

Он имеет наглость

идти моим путем.

Нет,

ну все-таки,

как же я ненавижу этого хама!

Вы подумайте,

он еще и делает мои же ошибки!

ТРУДНО

Трудно жить среди людей,
когда ты на них непохож.
Сколько ни старайся,
ничего в них не поймешь.

СИСТЕМА ЗАВИСЛА

Следуя слепо
Потоку рэпа
ни один вопрос не задавай всерьез
Ждать смысла
скользко и кисло
система зависла

Устаешь каждый год сходить с ума.
Слава богу, зима. все-таки облегчение,
холодное исключение из горячего правила
для тех, кого *слепая сила* заставила
жить наизнанку, кого она свыше
долбанула чем-то тяжелым по хлипкой крыше,
прошептала что-то невразумительное
да замолчала, осталась дырка.
Из дырки без конца и начала
хлещет и хлещет какая-то муть –
ни процедить, ни зажать, ни заткнуть,
бьет во все щели, безо всякой цели,
льется наружу, снаружи лужа
огромная уже натекла – аж жутко,
плавает в ней резиновая утка,
называется “я”.

Следуя слепо
Потоку рэпа
ни один вопрос не задавай всерьез
Ждать смысла
скользко и кисло
система зависла

Начать что ли стебаться, отвязно, как Эминем,
над нынешним безмазовым временем?

От культур остались одни обноски,
каналы информации стали соски,
их сосет человек, отлученный от груди,
забыв, что сзади и не видя, что впереди.
Куда ни глянь, везде жуткая спешка,
в ферзи рвется буквально каждая пешка.
И детей и взрослых, без разбору всех
завораживает и манит успех.
И все так торопятся продать ему душу!
Ну а я что? Может, просто трушу.
Не исключено. Но скорее, дело не в этом.
Просто зачем давиться в очереди за билетом
и ехать непременно в первом классе
в общей массе любителей комфорта?
Это - поездка низкого сорта,
на какой-нибудь виртуальный остров
компьютерных красавиц и монстров.
Тот, кто уверен, что придет к успеху,
не торопится. Ему не к спеху.
У него есть собственные ноги,
и идет он не по общей, а по своей дороге.
И не один – с ним еще двое-трое
тоже навсегда лишенных покоя
ударами стального дождя перемен.

за то,
что он был на своем посту.

Здоровье
на месте,
и зубы на месте все.

Сейчас
пострадавший,
наверное, крепко спит.

И по
телефону
вчера он мне сам сказал
спокойно
и горько:
"И это переживем".

Их было
там много.
Избили всего двоих.

Возможно
он мог бы
вообще всего избежать

Будь я
на его месте,
я бы вообще слинял,

успев
затеряться
за чьей-то большой спиной.

В опасное
время,
однако, мы все живем.

К тому же
в одной из
безумных опасных стран.

Зачем
столько риску?
Не лучше ли убежать?

На свете
хватает
удобных надежных мест.

Зачем
я торчу здесь,
у страха на чердаке?

Зачем
я сижу здесь
и думаю про него?

Зачем я
напрасно
пытаюсь представить, как
глядит он
в глаза тем,
кто избивает его.

И я
не поверю,
что это глаза людей.

Ни люди,
ни звери
не могут так поступать –
умело
и ловко,
чужой исполняя приказ,
калечить
того, кто
кому-то не угодил.

Вот время мое прошло.
Вот подали самолет.
Вот я на него иду,
тетрадку кладу в рюкзак.

А самого
главного
я так и не написал.

А самого

главного

я так и не осознал:

Откуда

приходит

к нам сюда этот взгляд?

Где имя

той силы,

которая смотрит так?

Смогу ли

однажды

выдержать я его?

И если

не выйдет,

зачем тогда я живу?

На взлетной полосе

мой самолет стоит,

ожидая, когда взлететь

время ему придет.

